

УКРАИНСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В РУССКОМ И ФРАНКОЯЗЫЧНОМ ГАЗЕТНОМ ТЕКСТЕ

В лингвистике исследование иноязычных элементов в тексте проводится, в основном, на материале художественных произведений. Проблема иноязычных слов, в частности украинизмов, в русской газетно-публицистической речи изучена недостаточно. Поэтому нам представляется весьма актуальным рассмотрение некоторых аспектов данного вопроса на материале русской и франкоязычной периодической прессы последних лет (“Московские новости”, “Nouvelles de Moscou” за 1991-1992 годы). После указанного периода анализируемые в статье украинские элементы выходят из активного словаря русского политического дискурса.

Употребление украинских элементов в современном русском газетном тексте обусловлено рядом причин внеязыкового характера: контакт близкородственных языков, динамика общественно-политических процессов, расширение фоновых знаний “среднего читателя”. Рассматривая внутриязыковые факторы функционирования украинских включений, отметим, прежде всего, их стилистическую маркированность. Они являются источником дополнительной выразительности, пополняют класс экспрессивной лексики, заменяя стилистически нейтральные названия. Употребляясь в прямой или авторской речи как характерологическое средство, украинизмы позволяют ввести без перевода ономастическую лексику. Создавая национальный колорит, они усиливают экспрессивность всего текста. Культурный компонент семантики получает эксплицитное выражение благодаря

включению нестандартной формы украинского звучания в русский контекст.

В целом, использование украинизмов в русскоязычной газете не идёт вразрез с требованиями культуры речи, за исключением стилистически не обоснованных примеров отрицательной интерференции.

Обычно выделяют следующие украинские включения: имена собственные; реалии, отражающие этнографическую, национально-культурную специфику; выражения, не имеющие точного эквивалента в русском языке; характерное произношение, переданное графическими средствами; стилистически немотивированное словоупотребление [3, 26-29]. Украинские элементы текстов газет “Московские новости” и “Nouvelles de Moscou” представляют собой:

1) ономастическую лексику (Галичина, Левко, Лесь, пан Микола);

2) слова, обозначающие общественно-политические реалии.

Придерживаясь предметной классификации реалий С.Влахова и С.Флорина [1, 62-73], можно определить такие тематические группы:

1) Общественно-политическая жизнь:

а) социальные явления, политическая деятельность – самостийность (la souveraineté à l'ukrainienne), самостийник (l'indépendantiste), самостийный (indépendant, la souveraineté), усамостийниться (l'accession à l'indépendance), незалежная (souveraine);

б) политические общественные организации, движения, парламентские блоки, их участники – Рух (le Roukh), руховцы (les membres de Roukh), Народна рада (Narodna rada);

в) государственная символика – жовто-блакитный прапор (les drapeaux jaunes-bleus, les étendards de Roukh).

2) Военные реалии: сичовый стрелец.

В плане местного деления данные реалии являются внутренними для украинского языка и внешними для русского и французско-

го. Таким образом, исследуемые украинизмы относятся к дважды безэквивалентной и фоновой лексике: с точки зрения русского языка, который их заимствует, и с точки зрения французского языка по отношению к русскому.

В аспекте временного деления выделяются современные (“Рух”) и исторические (“сичовый стрелец”) реалии. Временной статус не является постоянным качеством слова. Такие ЛЕ, как “самостийность”, “самостийник” в отличие от остальных окказиональных украинских элементов были заимствованы русским языком и зафиксированы в словарях.

С пометами “политическая”, “книжная” лексика они имеют следующие значения:

“Самостийность” – укр. букв. Самостоятельность, независимость; полит.

Буржуазное контрреволюционное движение на Украине, выступавшее под флагом национального самоопределения [4, 42].

“Самостийник” – полит. Украинский буржуазный националист, сторонник самостийности [4, 42].

Словарные пометы и дефиниции указывают на национальную (локальную) специфику ЛЕ и, самое главное, содержат политическую оценку исторических событий, которая переходит на коннотации самих слов. В сознании носителей языка ЛЕ, называющие какие-либо социальные явления, понятия, связываются не только с самими реалиями, но и с социальной средой их существования. В советскую эпоху события 1918-1920 годов на Украине трактовались как реакционные, контрреволюционные. Закрепившаяся за ЛЕ крайне пейоративная оценка выражалась в словарных определениях “буржуазное”, “националистическое”, “контрреволюционное”. Идеологическое сознание стало доминирующим в семантике этих слов. В контексте политических перемен 1991 года (распад Союза и провозглашение суверенных государств) историзмы “самостийность”, “са-

мостейник” возвращаются в активный политический лексикон, характеризую прежде всего общественно-политическую обстановку на Украине и отношение к ней.

В исследуемых газетно-публицистических текстах с современной тематикой слова “самостийность”, “самостийник” функционируют скорее, как иноязычные элементы, а не освоённые заимствования, так как они используются для называния новых социальных референтов другого народа. К тому же, в украинском языке ЛЕ “самостийний”, “самостийність”, в отличие от русских “самостийный”, “самостийность”, вне определённого контекста не вызывают ассоциаций с конкретными историческими событиями. Только слово “самостийник” как в украинском, так и в русском языке имеет конкретное историческое значение, поэтому случаи его употребления в современном контексте для обозначения лица, поддерживающего идею украинской суверенности, – стилистически маркированы и содержат идеологические коннотации (“Стойкий самостийник Крайчук” [10-92-10]) (“Московские новости”, № 10, 1992, с. 10).

Употребление данных лексем применительно к новым общественно-политическим денотатам современной действительности не смогло полностью нейтрализовать политические коннотации, характеризовавшие их прежнее значение.

Социальное восприятие самих слов для большинства носителей языка в этот период практически сохраняется. Исходя из анализа контекста, можно сделать вывод, что оценочный компонент семантики часто превалирует над денотативно-референциальным. Поэтому у русского читателя под воздействием привычных идеологических оценок может возникать неадекватное представление об актуальных понятиях и процессах. Перед автором иноязычного соответствия, независимо от его политических взглядов, стоит задача адекватной передачи как содержательно-фактуальной информации, так и прагматических установок, главной из которых для политической

текста является идеологически ориентированная оценка, обусловленная в данном случае культурным компонентом семантики и тесно с ним связанная.

Сфера социальных, политических ценностей исторически изменчива. Эволюция оценочности наблюдается как в индивидуальном, так и в групповом сознании. Переосмысление прошлого вызывает необходимость давать новые определения историческим реалиям, чтобы передать их социальное восприятие с позиции современности. Происходит процесс переидеологизации слов, хотя украинизмы, включённые в русский политический текст, не одинаково воспринимаются представителями различных политических направлений.

Украинские вкрапления иногда употребляются и в оценочно-нейтральном окружении. Но их специфическая форма и узально закрепившиеся за ними политические нюансы предполагают сознательно или неосознанно созданный определённый прагматический подтекст. Украинизмы являются в большей степени носителями не национально-культурного колорита, а эксплицитных или имплицитных идеологических коннотаций. Так, например, авторский неологизм “усамостийниться” несёт негативно-оценочный заряд, а сама фраза приобретает иронический, неодобрительный оттенок:

• “На Украине... предыдущие попытки “усамостийниться” заканчивались неудачей” [23-92-5].

Наблюдается расширение сочетаемостных свойств ЛЕ и употребление их в нетрадиционных контекстах: самостийная держава, самостийная Украина, самостийная оппозиция, самостийная централизация, самостийный рай, самостийное бытие, борец за самостийность, ядерная самостийность. Все словосочетания имеют оценочную направленность. Их экспрессивность носит подчёркнуто социальный характер, а негативные идеологические коннотации переносятся на ближайшее окружение.

Политически маркированные слова “самостийный”, “самостий-

ность” отрываются от своей локальной привязки и входят в более широкую сферу применения, отрицательно характеризуя общественно-политические явления, происходящие и за пределами Украины:

- “... подбрасывать сегодня эту тему в духе “самостийности” России [44-91-4];
- “Россия не сможет сама себя вытащить, потому что она также зависима от других республик. Опасность этого “самостийного плана” обусловлена именно сегодняшним положением. Для других республик, в том числе и для Украины, изоляционизм – катастрофа” [44-91-4].

Контекстное окружение – прагмемы “опасность”, “изоляционизм”, “катастрофа” – усиливает негативную узуальную оценочность ЛЕ “самостийный”, “самостийность”.

Идеологическая дифференциация общества, затрагивающая языковые аспекты, наглядно проявляется в идеологически обусловленной синонимии. По своей семантике украинские слова “незалежный”, “самостийный”, “самостийность” кореферентны, тождественны ЛЕ “суверенный”, “самостоятельный”, “независимый”, “суверенитет”, “самостоятельность”, “независимость”. В тексте украинизмы имеют узуальную или окказиональную отрицательную оценочность, поэтому данные лексические единицы являются не полными синонимами, а прагматическими конверсивами.

Семантическая тема “политическая самостоятельность, государственный суверенитет” как комплекс культурно-обусловленных представлений имеет у представителей противоположных политических сил различную прагматическую реализацию: – положительную – “самостоятельность” и отрицательную – “самостийность” или “изоляционизм”. Таким образом, слова “самостоятельность” и “самостийность” чаще всего в тексте выступают оценочными антонимами, а “самостийность” и “изоляционизм” становятся оценочными и предметными синонимами.

Тесная связь национального и идеологического прослеживается и в украинизме “жовто-блакитный прапор”, который является для носителей русского языка своеобразным “меморативным” историзмом. Само по себе сочетание цветов жёлтого и синего не имеет в общественном сознании такого глубокого символического смысла, как красный или чёрный цвет, и поэтому не вызывает ассоциативную реакцию на конкретный социальный коррелят. Символическое значение приобретает в сочетании с ЛЕ “флаг” или при употреблении в качестве украинизма “жовто-блакитный” в русском политическом контексте. Как и в предыдущих случаях, здесь “срабатывают” аллюзивные исторические коннотации. На основе ассоциаций с конкретными событиями, сочетание жёлтого и синего цвета становится идеологически релевантным символом. (Можно вспомнить хотя бы парламентские “бои” по поводу государственной символики). ИмPLICITный идеологический компонент семантики украинизма “жовто-блакитный прапор” находится в пресуппозиции, в фоновых знаниях носителей языка. Отрицательные меморативные политические коннотации переходят в дистрибуцию на другой украинский элемент “Рух”:

- “Если раньше под “жовто-блакитными прапорами” стояли в основном посланцы западных земель – Галичины, то сегодня ситуация иная. Под жёлто-голубыми знамёнами “Руха” – шахтёры” [17-91-5].

Слова “Рух” и “Народна Рада” являются номенклатурными наименованиями и не содержат в своей семантике эксплицитно выраженной оценки. Политические коннотации привносятся соответствующим контекстом и носят окказиональный характер: “оппозиция – Народна Рада” [17-91-5], “Верховный Совет работал под диктовку “руховцев” [36-91-7], “Оппозиционное национал-демократическое движение”, “радикализм, непримиримость в отношениях с центром” [27-91-8] и др.

Культурный и идеологический компоненты проявляют свою взаимосвязь и в такой чисто национальной форме вежливого обращения к мужчине, как “пан”, которая в анализируемом периоде употребляется ещё крайне редко: “пан Микола” [27-91-8] (об одном из лидеров УПА, проживающем в США). В настоящее время этот культурный архаизм вернулся в украинскую речь, как и ЛЕ “господин” в русский лексикон. Современное употребление слов перестало связываться с политическим контекстом, так как они практически утратили свою негативную идеологическую окрашенность, которую приобрели после Октябрьской революции. Однако в политическом дискурсе ещё встречаются случаи подчёркнуто тенденциозного обращения “пан” или “господин”.

Украинские элементы в прямой речи или авторском комментарии сохраняют свою национальную окраску и даны в полной транскрипции (“незалежна”, “жовто-блакитный прапор”) и частичной (Народная Рада, сичовый стрелец). Пояснение отсутствует либо содержится в контексте в виде:

1) ретроспективной экспликации – “парламентская оппозиция” ? Народная рада” [36-91-7];

2) проспективной экспликации – “сичовый стрелец” (сичовые стрельцы – части Украинской национальной армии во время УНР) [44-91-8]. Формальными маркерами украинских выражений в русском газетном тексте являются кавычки.

Украинизмы, в основном понятные русскоязычному читателю, представляют трудность при введении во французский текст. Необходимо найти такой способ передачи, чтобы сохранить их национальный украинский колорит, стилистические и прагматические функции. Нужно учитывать функциональную роль данных вкраплений в политическом сообщении, так как они содержат не только фактуальную, но и социально-оценочную информацию.

Таким образом, проблему представляет передача средствами

французского языка культурного компонента лексического значения украинизмов, выражающего такие понятия, как этническая принадлежность, историческая соотнесенность, общественно-политическая деятельность и идеологическая обусловленность.

Этническая принадлежность украинских элементов отражена, прежде всего:

1) в сохранении их графической формы (“пан Микола”);

2) в транскрибированных формах без морфологических изменений (“Народна рада”) или с частичными изменениями (“самостийная” (добавление окончания), “руховцы” (изменение суффикса “рухівці”)).

Используя транскрипцию некоторых слов, автор вторичного текста пытается сохранить национальный колорит ЛЕ – “Roukh”, “Narodna (Narodnaïa) Rada, Mikola. Но воспримет ли большинство французских читателей этот колорит как специфически украинский, а данные слова как украинизмы? Можно только сомневаться (на это указывает и частое отсутствие кавычек, характерных для русского текста), ведь для этого нужно, по крайней мере, знать русский или украинский язык и обладать достаточными фоновыми знаниями. Чтобы решить эту проблему, украинская специфика указанных слов частично конкретизируется в макро – и микроконтексте (описание событий, происходящих на Украине, авторские пояснения):

• “С начала путча инициатива на Украине перешла к “Руху” и поддерживающим его партиям”.

“Depuis le début du poutsch, le mouvement nationaliste Roukh et les partis de son obédience ont pris l’initiative en Ukraine” [36-91-7];

• “Рух” – “Roukh (mouvement nationaliste ukrainien)”.

Уточнив в контексте значение транскрибированной реалии, переводчик иногда с помощью кальки семантизирует содержание транскрибированного слова или словосочетания. Автор русского тек-

ста не прибегает к этому способу, учитывая понятность близкородственных языков:

- “парламентская оппозиция – Народная рада” – l’opposition parlementaire Narodnaïa rada (Conseil populaire)” [36-91-7].

Сохраняя аутентичность формы собственных имён, номенклатурных наименований, создатели французского текста используют для передачи остальных украинизмов перевод:

1) стирающий полностью или частично национальный колорит украинских ЛЕ – самостийность – l’indépendance, “la souveraineté”, жовто-блакитний прапор” – “les drapeaux jaunes-bleus”, “ces étendards de Roukh” [17-91-5]. Эксплицитно выраженный в русском тексте в самом слове культурный компонент (этническая принадлежность) во французском варианте содержится в словосочетании, контексте или в фоновых знаниях;

2) компенсирующий, в какой-то мере, утрату национального колорита – “самостийность” – “la souveraineté à l’ukrainienne” [27-91-8] (судя из контекста, уточнение “à l’ukrainienne” в большей степени несёт оценочную нагрузку).

Во французском политическом дискурсе реалии “самостийный”, “самостийность”, “самостийнык” теряют и свою историческую соотношенность.

Слова лишаются тех эмоциональных ассоциаций, которые они вызывают у русскоязычных читателей. Смещения происходят и в идеологическом компоненте.

Украинские элементы типа “самостийный”, содержащие узуальную идеологическую оценку, при употреблении в нейтральном контексте полностью утрачивают свою оценочность, так как соответствующие им французские ЛЕ “indépendant” и др. лишены аналогичных идеологических коннотаций: “строить самостийную Украину” – “l’édification de l’Ukraine indépendante”. Теряет в переводе свой сильный отрицательный заряд и авторский неологизм “усамостийниться”,

превратившись в нейтральное сочетание “l’accession à l’indépendance”. Соответствующий прагматический эффект может быть создан только за счёт идеологически маркированного контекста:

- “Самостийность – понятие исконно украинское, означающее не просто стремление республики к суверенности, но стремление массовое, неукротимое, не приемлющее компромисса” – “La souveraineté à l’ukrainienne, ce n’est pas seulement la volonté d’indépendance, mais aussi le rejet des compromis” [27-91-8].

Оценочный контекст, отсутствующий в исходном тексте, нередко создаётся самим переводчиком. Например, ЛЕ “Рух” имеет уточнение “le mouvement nationaliste”, “son radicalisme”, которое объясняет значение реалии и одновременно даёт политическую оценку.

Исключение, возможно, составляет слово “самостийник”, оценочность и экспрессивность которого частично сохраняется во французском соответствии “l’indépendaliste”, имеющем такие значения [2, 568]: 1) сторонник независимости; 2) автономист; 3) сепаратист; т.е. ЛЕ “l’indépendaliste” может быть коннотирована как положительно, так и отрицательно.

Нейтрализуется и политическая окраска украинизма “пан Микола” – Mikola Lebed”. В отличие от украинского узуса, для которого данная форма “пан + имя” является нормой, во французском языке нормативной есть конструкция “monsieur + фамилия”, а сочетание только с именем является стилистически маркированным.

Оценочность исходных политических реалий сглаживается и при стилистических заменах. Например, разговорное “руховцы” более экспрессивно, чем метонимическая замена “Roukh” или нейтральное словосочетание “les membres de Roukh”.

Отмечаются также случаи пропуска украинизма и изменения содержания всей фразы. Например, заглавие статьи “Оппозиция уже самостийная, а Украина?” “Parlement ukrainien: force et faiblesse de l’opposition” [27-91-8].

В грамматическом аспекте украинские элементы, выраженные существительным, прилагательным, передаются аналитической частью речи, но встречаются и морфологические расхождения:

- глагол (V) → à S (“усамостийниться” → “l’accession à l’indépendance”);
- прилагательное → S (“самостийная” → “la souveraineté”);
- существительное (S) → S de (à) S (“руховцы” → “les membres de Roukh”, “самостийность” → “la souveraineté à l’ukrainienne”).

Таким образом, украинизмы, функционирующие в русском политическом газетном тексте, представляют собой прагматически активные элементы языка политики в анализируемый период.

Характерной особенностью их семантики является наличие ярко выраженного культурного и идеологического компонентов.

Культурный компонент, включающий понятия этнической, исторической отнесенности, общественно-политической деятельности, эксплицитно выражен в самом слове благодаря сохранению в русском контексте его аутентичной формы и заложенной в семантике национально маркированной информации.

По отношению к французскому языку данная лексема является “дважды” безэквивалентной и фоновой, так как франкоязычный читатель воспринимает её через транспозицию русского текста.

Учитывая контакт близкородственных языков, украинские слова не вызывают трудностей в восприятии русскими читателями содержащейся в них фактуальной и прагматической информации.

Русский и французский языки не являются близкородственными, поэтому возникает проблема передачи как формальной, так и содержательной стороны украинизмов.

Во французских соответствиях культурный компонент передаётся не в полном объёме: утрачивается такой элемент как историческая соотнесенность (“самостийность”, “самостийник”). Автор вторичного

текста пытается сохранить элемент этнической, локальной принадлежности следующими способами:

- 1) транскрибированные формы имён собственных (существует вероятность восприятия слова не как украинизма, а как русизма);
- 2) пояснения, указывающие на национальную специфику слова, или контекст всей статьи, характеризующийся национальной отнесенностью сообщения.

Таким образом, во французских соответствиях национально-культурный компонент находится чаще всего в контексте, и национальный колорит самих слов практически стирается.

Культурный компонент украинских элементов тесно связан с идеологическим компонентом, а иногда и обуславливает его.

Идеологическая оценка отдельных слов (пан, самостийник и др.) является исторически детерминированной, узальной, содержится в самом слове, фоновых знаниях, эксплицируется в словарях и усиливается в контексте. Ярко выраженная закреплённая за словом отрицательная оценочность способствует расширению семантики слова и его синтагматических связей.

Другие ЛЕ (руховцы, Рух) приобретают окказиональные политические коннотации.

Для передачи идеологически релевантного значения в политическом дискурсе на французском языке главным во всех случаях является прагматический контекст.

За исключением слова “l’indépendaliste”, французские соответствия украинским элементам – оценочно нейтральные, поэтому наблюдается частичная или полная нейтрализация социально-оценочной информации. Это приводит к образованию прагматических, эмоциональных лакун, так как переводные слова не вызывают аналогичных оригиналу эмоциональных ассоциаций, а также ассоциаций национального, исторического и политического характера.

Благодаря заложенному в семантике прагматическому компонен-

ту в сочетании с нестандартностью формы, украинские элементы в русском политическом тексте оказывают на читателя сильное воздействие. Можно предположить, что внеязыковые реакции на сообщение получателей соотносимой франкоязычной информации будут неадекватными.

Литература

1. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М.: Высш. шк., 1986. – 416 с.
2. Гак В.Г., Ганшина К.А. Новый французско-русский словарь. – М.: Рус. яз., 1994 – 1194 с.
3. Саплин Ю.Ю. Усне мовлення і газетний текст (українські елементи в російському газетному тексті)//Культура слова. – К.: Наукова думка. – 1988. – Вип. 35. – С. 26-29.
4. Толковый словарь русского языка /Под ред. Д.Н.Ушакова. – М., 1935-1940. – Т. 4.